

ПЕРМЯКОВ А.Н.

1529497

**По дорогам
К НОВОЙ ЖИЗНИ**

В июне 1925 г. я окончил рабочий факультет. Что дальше? – Конечно, идти учиться. Нас, с отличием окончивших Рабфаки, в любое Высшее учебное заведение принимали без экзаменов, по путёвкам Главпрофобра Народного комиссариата просвещения. Что выбрать? Профессии никакой, пристрастия к чему-либо нет. Имеется только одно ясное желание – честно служить интересам государства. Решил поступать в Московскую Горную Академию на геолого-разведывательный факультет. Туда и взял направление – путёвку.

Когда пришло время направляться на учёбу, мой ближайший по Рабфаку друг, Занин Андрей Петрович, ехал учиться в г. Ростов-на-Дону, в Университет, на педагогический факультет, он стал уговаривать и меня ехать туда же, всеми мерами расхваливая юг – приволье и разнообразие растительности, богатство продуктов, расхваливал г. Ростов. Он знал эти места, знал город – бывал в этих местах в Гражданскую войну в 27-й Азинской дивизии, освобождал в 1920 г. город Ростов от белых и даже, видимо, для большей убедительности, шутя, бросил такую фразу:

– А девочки там какие хорошие!

Он уже был женат на нашей рабфаковке – Курочкиной Ксении Петровне, и они ехали вместе продолжать образование в Университете. Долго я раздумывал и склонился поехать в г. Ростов учиться в Северо-Кавказский Государственный университет на педагогический факультет, на физико-математическое отделение. Нужно было менять путёвку, проездом через Москву я зашёл в Главпрофобр Наркомпроса (сейчас это Министерство Просвещения) – мне без всяких дебатов заменили путёвку, и я направился в г. Ростов для продолжения образования в Северо-Кавказском Госуниверситете (СКГУ) на педагогическом факультете.

Итак, я должен стать студентом СКГУ.

«Мой университет»

«Солнце ярко засияло,
Светлый путь открыв мечте,
И легко на сердце стало...»

В августе 1925 г. мы с А.П. Заниным и его женой Курочкиной К. П. прибыли в г. Ростов-на-Дону. В СевКавГосуниверситете предъявили свои путёвки и были зачислены в число студентов. Я избрал педагогический факультет, физико-математическое отделение. Нас поселили в общежитии на Старопочтовой улице, 76/78 (во время Великой Отечественной войны это здание разбомбили, затем реконструировали и улицу переименовали в улицу Станиславского), прикрепили к столовой для питания.

Ростов произвёл на меня ошеломляющее впечатление. Любых продуктов было в избытке и, как мне казалось, по баснословно низким ценам. Помидоры, которых я до Ростова не знал и не пробовал, арбузы, разнообразные фрукты, свежая рыба и т.д. Это был «расцвет» НЭПа (Новой Экономической политики). В столовой из этих продуктов готовили изумительное питание. Одни украинские борщи незабываемые. Съешь его, и никакого второго не надо – вкусно и сытно.

СевКавГосуниверситет – это бывший Варшавский Университет, который в связи с войной 1914+1917 г.г. был эвакуирован из г. Варшавы в г. Ростов-на-Дону, где и остался навсегда.

Ректором университета был Ефременко Лукьян Матвеевич, член партии с 1918 г. Проректором по учебной работе – профессор Вишневский Александр Фомич – член партии с 20-х годов, проректором по административно-хозяйственной части – Корнев Кузьма Никанорович – член партии с 1905 г.

Профессорско-преподавательский состав был солидный, хотя с некоторыми «отклонениями» в политических вопросах. Так, из крупных учёных вспоминаются:

- Математики – Д.Д. Мордухай-Болтовской и профессор Вельмин;
- Литературы – профессор Бобров;
- Истории – профессор Каменев;
- Политэкономии – профессор Богданов и профессор Невский;
- Философии – профессор Вишнеvский и профессор Полянский;
- Финансовых наук – профессор Велихов Л.;
- Права и государства – профессор Филиппов (умер в 1927 г.);
- Конституции – профессор Алексеев;
- Медики – профессор Богораз, Бухман, Соловьёв, Покровский, Рожанский, Цитович, Якута, Орлов и другие;

Профессор Богданов, был молодой, талантливый (умер осенью 1927 г. или 1928 г. после операции аппендицита).

С начала учебного года всех рабфаковцев зачислили на стипендию, размер которой был 15 рублей. Распределялась она так: 2 руб. 50 коп. – общежитие, 9 рублей – питание в столовой – обед, а оставшиеся 3 руб. 50 коп. – завтрак, ужин, одежда, обувь и все другие расходы, не «разгуляешься»!!! Тем более, что у А.П. Занина была жена, приехавшая вместе с ним рабфаковка, и ребёнок, а сейчас студентка СКГУ. В стране была безработица, существовала биржа труда (размещалась она на Таганрогском, ныне Будённогом проспекте), в ней вёлся учёт безработных и выдавались направления на работу. Обратились туда и мы с Заниным и получили работу по охране зерна в порту. Это ночные дежурства. Таким образом мы обеспечили себе прибавку к стипендии. Постепенно я стал включаться в общественную работу. На первом курсе меня избрали в состав студенческого профессионального комитета (студпрофком) председателем экономической комиссии. Эта комиссия ведала распределением стипендий, платой за обучение (часть студентов, в зависимости от

обеспеченности и социальной прослойки, облагалась платой за обучение), распределением мест и вселением в общежитие и другими вопросами. На втором курсе меня избрали председателем профкома педфака, а несколько позже, осенью 1926 г. – производились выборы Северо-Кавказского Краевого бюро пролетарского студенчества – меня избрали членом этого бюро (СевКавКрайбюро пролетарского студенчества). Вскоре после этого при Донском исполнительном областном комитете была создана комиссия по улучшению быта учащихся (ДОНКУБУЧ), председателем которой был заместитель председателя ДонОблИсполкома Христенко, а меня избрали ответственным секретарём ДОНКУБУЧа. Общественная моя деятельность развернулась во всю «широту». Но ведь общественная работа не оплачивается, не даёт никаких материальных благ. Стипендия недостаточная. Много нуждающихся студентов обращаются за помощью. Во всю ширь встал вопрос: «Как быть? Как выйти из такого положения?».

Нашли такой выход. В Ростове-на-Дону в наше время функционировало Ростово-Нахичеванское Единое Потребительское общество ЕПО (кооперация). Оно было главной торгующей организацией, в её ведении находились «хлебные ссыпки». С этой организацией мы и договорились о работе в качестве грузчиков. Для этого создали из нуждающихся в материальной помощи студентов артель грузчиков. В состав артели входило 120 человек, меня избрали уполномоченным по всем вопросам – заключения договоров на работу и всем организационным. В артели работали не только мужчины, которые были грузчиками, но и небольшое количество девушек – «швачек», они занимались починкой мешковой тары. Работали все добросовестно. До сих пор вспоминаются расценки МОС-погруза. Вагон вмещал 225 мешков пшеницы. Стоимость разгрузки вагона – 8 руб. 05 коп. Работа строилась так: взять мешок в вагоне на плечо (вес 5 пудов или 80 кг), подать на весы и, взвесив, перенести и высыпать в элеватор. Работали по 11 часов в

день и зарабатывали 8÷10 рублей – это была большая сумма, если стипендия была 15 рублей в месяц.

Семья. Работа в Правлении Университета

Ясно, что после такой работы, приходя в общежитие, чувствовали не только усталость, но полное бессилие, по ночам часто болели ноги, плечи и не давали спать. Я работал наравне со всеми, хотя и был уполномоченным (никаких привилегий и доплат не было). Артель работала не вся сразу, а бригадами, по очереди. Всего было 10 бригад, во главе стоял бригадир, и я направлял очередную бригаду на работу. Для всех одновременно работы не хватало, т.к. работали и грузчики-профессионалы, которые нас не особенно жаловали, ведь мы были их «конкурентами» и отнимали у них работу. Ну а как же с учёбой? Приходилось всё сочетать – заработка, общественную работу и учёбу. Трудно было? Да, бесспорно. Но всё равно оно вспоминается как самое лучшее время в жизни. Это молодость! Это полнокровная, насыщенная, кипучая жизнь.

Педагогический факультет работал в две смены – вечером и утром, а медицинский – только в дневные часы, это давало возможность в какой-то мере сочетать учёбу с работой.

В Октябрьские праздники 1926 г., на студенческом вечере я встретился со студенткой Ершовой М.С. Мы долго присматривались друг к другу, а в мае месяце 1927 г. – поженились и вместе, дружно, с полным взаимопониманием, поддержкой друг друга прошагали много лет. Отметим золотую свадьбу и рассчитываем с помощью и заботой сыновей и внуков добраться до «платиновой», постараемся приложить к этому все наши усилия, а государство нам поможет, и уже помогло «пенсией».

Летние каникулы провели в казачьей станице Семикаракорской, у родителей жены – Ершовых, а с осени нужно было решать материальные вопросы – на стипендию жить было очень трудно. И я приступил к работе секретаря по студенческим делам Правления

СевКавГосуниверситета. Проработал там два года. По работе я постоянно общался с ректором, проректорами, деканами факультетов, профессорско-преподавательским составом, что помогало мне расти во всех отношениях – политическом, культурном, практическом – у них я учился тактичности, выдержанности и т.д.

Такое общение сыграло исключительную роль в моём воспитании и создании моего «облика» в том виде, каким я постепенно стал из деревенского парня.

Моя работа была тесно связана с жизнью и деятельностью студентов – обычно, прежде чем идти к руководству, студенты всех факультетов обращались ко мне, я предварительно договаривался с руководством. Хочется отметить, что Ректорат относился ко мне с полным доверием, меня всеми мерами поддерживал, охотно выслушивали, тактично исправляли и, несмотря на огромный объём работы, работалось относительно легко. Вспоминаются отдельные случаи. Очень много времени и сил отнимал приём в Университет. Однажды ко мне обратились три товарища, желающие обучаться в Университете. Бутаев – бывший народный комиссар Труда одной из республик, Дроздов – бывший командир партизанского отряда в период Гражданской войны и один из сотрудников РКИ (Рабоче-крестьянской Инспекции) штаба Северо-Кавказского военного округа (СКВО). Но у них не было среднего образования, и получить им его было трудно, имея такой почтенный возраст, масштаб работы и общественное положение – смешно было их садить за школьную парту. Все они были коммунисты со стажем. Мы долго обсуждали вопрос: «Как с ними быть?». Зачислять их в число студентов без среднего образования (документа) было нельзя. Я предложил ректорату такой вариант – разрешить им всем троим посещать учебные занятия и, если они справятся с программой 1-го курса, зачислить их потом в число студентов 2-го курса. Ректорат согласился со мной, и в итоге они успешно закончили экономический факультет Университета.

В числе абитуриентов был некто Мартыненко – он потерял руку, и по этой причине Ректорат отказался зачислять его в число студентов. Я встал на его защиту, мотивируя тем, что куда ему деваться с одной рукой, если он не получит образования. Мартыненко был зачислен, успешно закончил экономический факультет и много лет работал в Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП. Сейчас он на пенсии.

Я уже говорил, что приём в Университет отнимал много сил. Помню, как-то ректор Л.М. Ефременко выезжал лечиться в Германию, а за него вр.и.о. ректора остался медик – профессор Петр Иванович Бухман. В разгар приёма в Университет он пришёл ко мне в канцелярию и стал «Христом богом» просить меня взять на себя все дела и всю ответственность по приёму – разговоры с абитуриентами, их родными, с всякими «ходатаями» и т.д. Он сказал, что: «Не умею я разговаривать и разъяснять, у меня нет таланта для этого». Бухман П.И. был известный хирург. Пришлось мне согласиться, взять эту «ношу» на себя, и приём прошёл нормально. Не надо забывать, что в то время государству нужно было готовить свои, преданные делу революции, Советской власти кадры, поэтому большое значение имел социальный отбор, а выходцы чуждых классов всеми правдами и неправдами пытались поступить в университет – представляя фиктивные справки, искали влиятельных защитников и т.д. Это создавало дополнительные трудности при приёме в институт и освобождении от «чуждых элементов» состава студентов Университета.

Помню такой случай: однажды, идя по коридору канцелярии Университета, я увидел на полу свёрнутый листок бумаги. Поднял и прочитал его. Это была записка студента, её содержание: «Здравствуй, Костя! Я учусь. В отношении меня никто ничего не знает. С приветом! Афанасий».

Надо искать Афанасия. Попросил канцелярию подобрать мне личные дела студентов. Афанасий – это имя, а фамилия мне неиз-

вестна. Оказалось 48 студентов с именем Афанасий. Я сделал запросы по месту жительства всех 48-ми Афанасиев и, получив ответы, разгадал, что эта записка принадлежала студенту 4-го курса медицинского факультета – Понасенко Афанасию. Он считался у нас красным партизаном (такие документы были представлены им при поступлении). Оказалось, что он бывший царский офицер, оказался в рядах Красной Армии, был назначен командиром роты пешей разведки. В одной из операций под станцией Журавка Воронежской области он всю роту сдал белым, и красноармейцы почти все были расстреляны, а он от белых получил чин капитана. Эти данные были получены от командира полка, в состав которого входила и эта рота пешей разведки. Понасенко был исключён из Университета – решением правления Университета.

Через несколько дней после его исключения ко мне пришли наши студенты – Лосев Константин – комиссар дивизии в Гражданскую войну, Фурсов Тимофей – командир артиллерии в армии Котовского, имел награду – Орден Боевого Красного Знамени и Дроздов – бывший командир партизанского отряда в Гражданскую войну – и сразу с наступлением на меня:

– Ты что, Андрей, тут занимаешься контрреволюцией?

Я спросил:

– В чём дело?

– Исключаешь из Университета красных партизан, в частности, Понасенко?

– Садитесь! – сказал я им. – Давайте разберёмся!

Я дал им по листу бумаги и сказал:

– Напишите всё, что вам известно о Понасенко как красном партизане.

Они писать отказались, заявив, что ничего о нём как красном партизане не знают и попросили рассказать, «кто он и что он?». Я показал им материалы. Они, конечно, были очень удивлены и спросили:

– Что бы ты сделал, если бы мы написали в защиту Понасенко?

Я ответил:

– Передал бы ваши записки в Краевую Контрольную Комиссию.

С этим мы и расстались, но у нас с ними были хорошие отношения, и сохранились они до окончания Университета.

Учился у нас некто Гуляковский, а потом оказалось, что он белый офицер, сын крупного владельца паровых мельниц – Поцелуева. Он женился и взял фамилию жены. Был также исключён из Университета. Таких фактов было очень много.

Трудно было по этим вопросам разговаривать с профессорами, которые стояли на других позициях и не всегда понимали политику Советского государства в этих вопросах. Они часто обращались с просьбой зачислить в студенты какого-либо абитуриента или зачислить на стипендию студента, освободить от платы за обучение студента, поселить его в общежитие и т.д. Для них классовых и социальных понятий не существовало. Так, профессор математики – Д.Д. Мордухай-Болтовской заявлял: «Какой материализм, я не признаю его, я идеалист!». Когда его попросили уплатить квартплату (его семья занимала целый отсек в общежитии на Старопочтовой, 76/78), он устроил шум:

– Какая плата?! Меня вся Европа знает!! Я уеду в Европу!

И ректор Л.М. Ефременко сказал:

– Оставьте его в покое.

Он так и продолжал жить бесплатно. Ему было около 70 лет. Он заявлял: «У меня воспитывался М. Калинин». Однажды, приехав в г. Ростов, М.И. Калинин нанёс визит Мордухай-Болтовскому. Как потом стало известно, М.И. Калинин жил и работал мальчиком «на побегушках» в имени Мордухай-Болтовских.

Профессор физиологии – Рожанский на заседании правления Университета при рассмотрении соответствующего вопроса заяв-

лял: «Какие кулаки, нет никаких кулаков, все они труженики». Вот и приходилось с большой выдержкой и тактом разьяснять им, ведь партия дорожила каждым специалистом, и В.И. Ленин указывал: «Каждый работник аппарата должен быть культурным и вежливым» – особенно это относилось к специалистам старой школы. Это особый «народ». Так, профессора, крупные хирурги с мировым именем Н.М. Богораз и Н.И. Напалков – оба заведовали кафедрами – но вместе не могли присутствовать на заседаниях Правления Университета (оба были члены Правления Университета). Каждый из них, приходя на заседание Правления, спрашивал у дежурного швейцара, пришёл ли на заседание Правления его «противник»? Получив утвердительный ответ, уходил домой, не заходя на заседание.

Конечно, недовольные студенты искали выход из положений, иногда доходило до анекдотов. Стипендиальная комиссия отказала в стипендии студенту Мизику. Он пошёл в КрайККРКИ к зав. отделом (своему земляку) с жалобой-заявлением. Там представитель РКИ выслушал Мизику и написал резолюцию. Студент обрадовался, с гордым видом прибегает ко мне и подаёт заявление с резолюцией. Я читаю: «Если бы и была свободная стипендия, я бы её Мизику не дал», и стоит соответствующая подпись. Я прочитал вслух и показал Мизику, он растерялся и больше за стипендией не обращался.

Общественный смотр профессуры

Большой школой для нас был в то время общественный смотр профессорско-преподавательского состава. Это проходило так: было общее собрание студентов и профессорско-преподавательского состава. На кафедру (или на сцену) выходил профессор и рассказывал свою автобиографию, присутствующие слушали, задавали вопросы и выступали, характеризуя или приводя какие-либо факты из деятельности проверяемого. Мы слушали

их, «раскрыв рты». Одни из них становились как бы ближе к нам, другие – настораживали, но мы познавали жизнь учёных старого времени и их психологическую борьбу самих с собой, и переход на сторону Советской власти.

Помню проверку профессора Л.А. Велихова. Это бывший крупный финансист и деятель при царизме, член ЦК кадетской партии, член Государственной Думы, но фактов выступления его против Советской власти не было. В.И. Ленин писал о нём: «Кадетский домовладелец, рассуждающий по Марксу» (В.И. Ленин, том 19, стр. 430÷431). Он великолепно читал лекции на экономическом факультете по «финансовой науке». В перерывах лекции он выходил в коридор, беседовал со студентами, и как сейчас помню его фразу:

– Коллеги, я завидую вам, что у вас мозги развиваются правильно, у меня, к сожалению, мозги набекрень.

Во время проверки профессора Велихова, взял слово и выступил «архи-советский», «архи-революционный» студент – матрос, малокультурный Семён Грунь и сказал: «Что тут нам слушать профессора Велихова, врага, он сейчас ползает на коленях перед Советской властью». Конечно, его выступление было не только нетактичное, а просто «нахальное» и ничего не дающее. Было много хороших выступлений с положительной характеристикой.

В заключительном слове профессор Велихов сказал:

– Вот тут один студент, выступая по моему адресу, заявил, что я ползаю на коленях перед Советской властью. Профессор Велихов никогда и ни перед кем не ползал на коленях и ползать не будет. Профессор Велихов протягивает руку большевикам и Советской власти, и дело их пожать или отбросить эту руку... – после этих слов ему дружно аплодировали.

Профессор Велихов был крупный специалист по городскому хозяйству. Упорно изучал Маркса и, видимо, в какой-то степени учение Маркса уже в то время привлекало его. Несмотря на кажущуюся

щуюся реакционность некоторых профессоров Университета, как мне кажется, никто не был отчислен в результате общественного смотра, но это мероприятие было воспитывающим и «отрезвляющим», а для нас, студентов – великая школа.

В годы Великой Отечественной войны они оказались верны своей Родине. Многие из них эвакуировались на Восток при приближении немцев, а профессор Покровский остался в Ростове, он почему-то не смог уехать. Когда фашисты хотели войти в его клинику, он их не пустил, заявив:

– Здесь земля русских, и немцам здесь делать нечего!

Немцы забросали клинику гранатами, она сгорела, в ней сгорел и профессор Покровский.

Дискуссия в партии

Вторым большим событием в стране, а для нас высшей школой коммунистического воспитания в этот период была чистка рядов партии и предшествующие дискуссии.

После смерти В.И. Ленина активизировалась «оппозиция», создался «Троцкистско-Зиновьевский блок», они требовали «сверхиндустриализацию», что могло привести к разрыву «союза рабочего класса с крестьянством» – основы Советского государства, как указывал В.И. Ленин, «Бухаринско-Рыковская антипартийная группа» выступала против коллективизации и «ликвидации кулачества как класса», они выдвинули теорию «Мирного вращивания кулака в социализм». Эти группировки атаковали партию «слева» и «справа». Цель их и итог борьбы сводился к желанию свернуть Советское Государство с социалистического пути развития. На этой базе развились такие вредительские организации, как «Трудовая крестьянская партия», «Промпартия», «Шахтинское дело» и т.д. Оппозиция навязала партии дискуссию. Они создали и напечатали свою платформу, которую нелегально распространяли среди малоустойчивых коммунистов. Помню, редакцией «Правды» вы-

состоял в партии эсеров-террористов, с 1917 года – коммунист. Учился у Маха, Авенариуса, Михайловского... – и дальше продолжал рассказ о своей работе в наше время: – Я прожил шесть декад, думаю ещё проработать декады три!

Когда он кончил рассказ, к нему поступил вопрос:

– Как Вы относитесь и что делали в период Революции 1905 года?

Нисколько не смущаясь, отвечал:

– По приказу командования стрелял из пушек по восставшим.

Мы были поражены и буквально «раздавлены» таким для нас «открытием». Началось обсуждение. Одним из выступавших был профессор – зав. кафедрой политэкономии Невский И.А. Содержание его выступления было таково:

– Заслушав Н.А. Полянского, мы узнали: он бывший дворянин, окончил кадетский корпус, полковник царской армии, участвовал в подавлении революции 1905 года, до 1917 года – эсер-террорист, учился у Маха, Авенариуса, Михайловского – какую же идеологию и философию преподносит он нашему пролетарскому студенчеству? – и дальнейшие обвинения, вернее, минусы в адрес Полянского Н.А.

Зал замер, ведь выступление весьма доказательное. Выступали и другие коммунисты с разными концепциями. Выступил уже известный нам, «архи-революционер» и «архи-учёный» – Семён Грунь. Начал критиковать Полянского Н.А. как преподавателя философии, содержание лекций и методику преподавания, причём показал полное своё невежество и вызвал, конечно, смех. Мы все его знали как полную «бездарность» и «неспособность» понимать элементарные вещи. Заключительное слово предоставили Н.А. Полянскому. Содержание его было примерно таково:

– Вот здесь выступал профессор Невский И.А. и показал всё моё прошлое. Да, я не выходец из рабочих, я учился у Маха, Авенариуса, Михайловского – всё это правильно. Я тернистыми путями шёл от Маха, Авенариуса, Михайловского к Марксу и Ленину.

Вы сомневаетесь, какую идеологию я преподношу пролетарскому студенчеству? А вот Вы, товарищ Невский – выходец из рабочих, как Вы пошли от Маркса и Энгельса к Маху, Авенариусу, Михайловскому – вот этот путь Вы нам расскажите, пожалуйста! (Невский был активным троцкистом).

Зал был опять ошеломлён. Полянский говорил красиво, остроумно и с большой выдержкой. Затем он перешёл к выступлению С. Груня:

– Вот тут один из студентов критиковал мои лекции по философии, методику преподавания, пытался «воспроизвести» мои лекции, но, к сожалению, философии он учился не у меня, а у профессора Вишневого.

Это была острота мысли, познания людей «обучающих нас». Мы росли политически, набирались умения «парировать» выпады. Решение по Н.А. Полянскому: «Считать проверенным». Зал был полон, все проходы и выходныe двери были забиты. Работали сатирики – карикатуристы, которые по ходу собрания давали соответствующие изображения и вывешивали их в фойе. Во время перерыва мы все выходили, и было смешно, а кое-кому – грустно. Помню карикатуру на С. Груня – с крупной надписью: «Мордяка классового врага в ВУЗе по Груню». Она вызывала общий смех.

Я сделал большое отступление от последовательности своего жизнеописания. Но эти события в стране и в партии, конечно, растили и формировали нас – коммунистов. Пройти мимо я не мог. Пишу «нас», имея в виду себя и Ершову М.С. (вашу маму и бабушку), т.к. с мая месяца 1927 г. мы шли по «общей дорожке».

СКГУ — СКЗИ

В 1925 г., когда я поступал в Университет, в нём было, по существу, два факультета – педагогический и медицинский, а факультет общественных наук – ФОН – закрыли, он делал последний выпуск, поэтому я оказался на педфаке. В 1926 г.

в Университете открыли экономический факультет с отделениями: промышленное, торговое, кооперативное. Я некоторое время раздумывал, присматривался и решил перейти с 3-го курса педфака на 2-ой курс экфака – кооперативное отделение с досдачей недостающих по программе экзаменов согласно учебного плана. И так, с осени 1927 г. мы вместе с Ершовой М.С. оказались в одной группе и дальше всё время учились вместе.

С осени 1929 г. экономический факультет получил своё помещение и перешёл на утренние занятия. Продолжать работу и учиться уже было нельзя, а учиться на стипендию было невозможно, тем более, что у нас уже был сын Володя. И мы «заключились», т.е. заключили договор (контракт) с Крайпотребсоюзом – о выплате нам ежемесячной стипендии по 150 рублей каждому, до окончания учёбы, и один раз в год по 150 рублей на приобретение книг по специальности. Мы отбирали книги, представляли списки со счетами, а Крайпотребсоюз оплачивал магазину. Это дало возможность нам создать приличную библиотеку из экономической и политической литературы. Мы, по этому договору, по окончании обучения должны были бы поступить в распоряжение Крайпотребсоюза – для направления на работу в их систему. Отработать в их системе по 3 года. Руководил Крайпотребсоюзом, с которым мы заключили договор, Бутаев – жизнь его скоро оборвалась, поехав на курорт, он купался в море и утонул.

Большинство наших коллег заключили эти договора на год раньше нас и спокойно учились. Так велика была нужда в кадрах, что даже практиковалась такая система – «Борьба за кадры». Мы же в этот период воздержались от «контракта» – боясь за «свободу» выбора места работы по окончании института. Наши опасения оказались напрасными, нам распределяться на работу не пришлось. Будучи на 4-ом курсе экфака, нас всех смущала недостаточная подготовка в области сельского хозяйства, а у студентов промышленного отделения – в области промышленности. И часто

на собраниях курса и в группах обсуждался вопрос: «Кого готовит экфак?». По диплому нас решили выпустить со специальностью: «Экономист сельского хозяйства», но сельскохозяйственных наук мы не изучали, среди нас были отдельные студенты, которые вообще никогда в деревне не бывали и не только не знали сельского хозяйства, но не отличали вилы от граблей, не говоря уже о машинах. Студенты поставили вопрос перед руководством, а руководство – перед Министерством Просвещения об удлинении нам срока обучения и введении сельскохозяйственных наук. Было принято решение – перевести нас после 4-х лет обучения в Северо-Кавказский Зерновой Институт на экономическое отделение, которого в нём тогда не существовало (это мы узнали позже). Нас – группу в 25 человек – перевели в СевКавЗерновой институт в г. Новочеркасск. Был составлен переходный учебный план с участием студентов – Алаухова, Писенко, Пермякова (меня) и других. Этот план мы обсудили на групповом собрании, приняли его. Он предусматривал окончание нами курса 1 января 1932 г. В процессе обучения мы «корректировали» программу, учебные занятия, переводя тяжесть на самостоятельную работу, договаривались с преподавателями уменьшить число аудиторных занятий, максимально уплотнить занятия и сократить срок обучения. Основная масса студентов группы окончила институт в октябре месяце 1931 г., а я из-за болезни задержался и окончил его к 1 января 1932 г. Проучились мы в СевКавЗерновом институте с 1 сентября 1930 года по 31 декабря 1932 г. (официально). Нам выдали диплом «Агроинженер зернового производства».

В этот период времени в учебных заведениях ещё не было выработано твёрдых установок, вернее, традиций, как готовить нужных для Советского государства специалистов, особенно на вновь создаваемых факультетах и по новым специальностям. Таким был Экфак и отделение кооперации и экономики сельского хозяйства. Состав студентов был зрелый, в большинстве – имею-

щие семьи, поэтому серьёзно задумывались и в какой-то степени решали вопрос: кем быть?

Вопросам становления высшего образования в нашей стране было посвящено и 1-е Ректорское совещание в г. Москве, состоявшееся в июне месяце 1927 г. Его полное название – первое Ректорское совещание ВУЗов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР). Мне пришлось в нём участвовать, оно проходило в г. Москве, в актовом зале Московского Университета на Моховой улице. В состав делегации от нашего Университета входили: ректор Ефременко Лукьян Матвеевич, проректор по учебно-научной работе – Вишневецкий Александр Фомич, а от студентов Университета был избран и делегирован я.

На совещании выступали руководители народного образования. С первым докладом о работе Университетов и задачах высшей школы выступил Народный Комиссар Просвещения А.В. Луначарский. С приветствием выступил заместитель председателя Совета Народных комиссаров по продовольственному обеспечению А.Д. Цюрупа, он же коротко остановился на задачах университетов. На совещании выступил с докладом Емельян Ярославский – он осветил международные вопросы и задачи Советского правительства. Затем в прениях выступали некоторые ректоры и проректоры Университетов, они делились опытом работы и обращали внимание на некоторые задачи и проблемы. Выступали и студенты – они вносили свои пожелания и делали некоторые замечания. Обсуждения были довольно активные. Совещание проходило несколько дней. Делегатов познакомили с Москвой, её достопримечательностями, театрами, и т.д. Возвратившись, я выступил перед студентами нашего университета с важной информацией об итогах Ректорского Совещания, на котором я побывал. Подвели некоторые его итоги – А.М. Ефременко

и А.Ф. Вишневецкий. В то время студенты были активными участниками становления Высшего образования в нашей стране.

В Северо-Кавказском зерновом институте профессорско-преподавательский состав был менее колоритный, чем в СКГУ. Крупными учёными были:

- профессор Антон Иванович Носотовский – зав. кафедрой полевых культур;
- профессор Краснов Иван Васильевич – зав. кафедрой сельхозмашин, тракторов и автотранспорта;
- профессор Шульга (имя и отчество не помню) – зав. кафедрой почвоведения;
- профессор Сивогринов Алексей Филиппович – зав. кафедрой экономики сельского хозяйства;
- профессор Ванин Иван Иванович – зав. кафедрой органической химии.

Институт располагал солидной учебной базой и учебно-опытным хозяйством, расположенным в 11 км от г. Новочеркасска, в местечке Персияновка (потом там был сельхозинститут). Здесь мы проходили учебно-производственную практику, осваивали трактора, сельхозмашины, автомобили и разные виды сельскохозяйственных и полевых работ. Мы были поставлены на рабочие места и осваивали все процессы, начиная от подготовки семян, закладки удобрений, затравливания сусликов, вспашки, боронования, сева и т.д., учились водить трактора, автомашины, управлять сельхозмашинами, а практику по уборке зерновых культур проходили участковыми агрономами при различных колхозах, совхозах, МТС Северо-Кавказского края. Теоретический курс и практика обеспечили нам вполне достаточную сельхозподготовку. По окончании института в первых числах ноября 1931 года – Ершова М.С. и Остапенко Илья были командированы в г. Ленинград, в институт Агрочвоведения для продолжения образования в аспирантуре. По нашим планам было, как

только я выздоровею и сдам последний экзамен, отправлюсь в г. Ростов, в аспирантуру института Экономики и Организации сельского хозяйства, которым ведал профессор Сивогринов А.Ф., от него я имел приглашение и обещание быть зачисленным, а дальше я собирался перебраться в г. Ленинград. Но «суждены нам благие порывы...»!!! Не успел я сдать последний экзамен и получить диплом, как состоялось решение, подтверждённое Крайкомом партии, оставить меня заместителем директора нашего же института – Северо-Кавказского зернового института. Выполняя работу замдиректора, я пытался всё же осуществить свою мечту – получил из Ростова извещение о том, что зачислен аспирантом в институт Экономики и организации сельского хозяйства, и просьбу в связи с этим откомандировать меня к месту учёбы. Обратился в партбюро Института – оно вынесло решение: «Откомандировать меня для обучения в институт Красной профессуры (ИКП)», но освободиться мне не удалось. Вот так мы и «распределились», и в Крайпотребсоюзе ни одного дня работать не пришлось.

Ещё несколько слов об обучении на Экономическом факультете СКГУ. Мы получили там хорошую политическую, экономическую подготовку, широкое общее развитие, но к практической работе по специальности были всё же слабо подготовлены. Мы много были в командировках, но нигде практически не встретились со своей прямой специальностью.

За весь период обучения на Экфаке у нас была только одна производственная практика, и только по линии кооперации, имевшая лишь некоторое отношение к нашей прямой специальности. Проходили мы её в г. Миллерово на птицеводческой кооперативной базе, отправляющей птицу и яйца за границу. Там мы познакомились с обработкой и упаковкой яиц – сортировка, известкование в огромных ямах, раскладка по ящикам, оформление документов и маркировка ящиков, с обработкой кур – удале-

ние голов, конечностей, потрошение, упаковка и укладка каждой тушки в отдельности в ящики, замораживание, маркировка тары, заполнение документов, и т.д. Нас готовили к работе в качестве кооператоров сельского хозяйства. Сохранились в памяти столовые, где мы питались жирной жареной бараниной. Мы поначалу с восторгом набросились на неё, но через несколько времени она нам так опротивела, что мы старались подальше обойти эту столовую.

Организация колхозов

«Пусть мы и не были самыми лучшими,
Пусть мы и не были самыми первыми,
Совесть, однако, в одном нас не мучила
Правде партийной остались мы верными».

Хочется ещё кое-что вспомнить из студенческих лет. Это участие в выполнении правительственных и партийных заданий. Студенческая жизнь не была отгорожена от событий, происходящих в стране. И коммунисты не имели возможности сосредоточиться только на учёбе – они были участниками практического решения государственных задач. 1929 г. – на Кубани и на Дону назрели такие решающие для страны события, как коллективизация сельского хозяйства и ликвидация кулачества как класса на базе коллективизации. Многих студентов, в том числе и нас с Ершовой М.С. снимают с учёбы и решением Северо-Кавказского Крайкома партии посылают организовывать колхозы, меня – уполномоченным Крайкома партии в Курганенский район, а Ершову – пом. уполномоченного – в Славянский район – Гривенский куст. Выполнение этой задачи требовало большой личной убеждённости, умения убедить крестьянские массы в целесообразности и преимуществах коллективного ведения хозяйства, жизненной необходимости для государства перехода на систему коллективного землепользования. Необходимо было преодолевать сопротивление вражеских элементов, хитро маскирующихся и часто

ПЕРМЯКОВ А.Н.

**По дорогам
к новой жизни**

Санкт-Петербург
2017